

УДК [327(47+5-191.2)+2]:94

**О ВЗАИМОСВЯЗИ РЕЛИГИИ И ГЕОПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)**

А.А. Салиев

Рассматриваются основные проблемы влияния религии на геополитику мировых государств в Центральной Азии в период ее пребывания в составе Российской империи.

Ключевые слова: геополитика; религия; ислам; мусульмане; Центральная Азия; Россия.

**RELIGION AND GEOPOLITICS IN RUSSIA'S FOREIGN AFFAIRS SYSTEM
WITH REGARD TO CENTRAL ASIA
(XIX EARLY XX CENTURY)**

A.A. Saliev

The article covers issues of religious influence on geopolitics of world powers with regard to Central Asia during Russian Empire.

Keywords: geopolitics; religion; Islam; Moslems; Central Asia; Russia.

Еще в 1980-х гг., на исходе коммунистического режима в СССР, понятие геополитики трактовалось достаточно негативно. Популярное энциклопедическое издание писало: “Геополитика, политическая концепция, использующая географические данные (территория, положение страны и т. д.) для обоснования империалистической экспансии. Геополитика связана с расизмом, мальтузианством, социал-дарвинизмом. Была официальной доктриной немецкого фашизма. После 2-й мировой войны получила распространение в ФРГ, США” [1, с. 291]. Следует отметить, что такое понимание геополитики задолго до этого отсутствовало в зарубежной (как тогда писали – буржуазной) обществоведческой науке, которая рассматривала ее как факторную совокупность всех сложившихся на тот или иной период международных отношений. И это было правильно, поскольку то, что геополитика была официальной доктриной германского фашизма, никого ни в чем не убеждало – в названии гитлеровской партии присутствовало слово “социалистическая”, но никто не выступал против его употребления как в СССР, так и по всему миру. Сегодня термин “геополитика” широко употребляется как в новой России, так и на всем постсоветском пространстве. Под таким названием выпускаются даже учебники [см., напр., 2–6].

Мы склонны полагать, что геополитика в указанном нами смысловом значении существовала издавна и ее ареалы всегда зависели от той системы международных отношений, которые существовали в них в тот или иной исторический период. Таким образом, своя геополитика была на пространствах древнего Ближнего Востока, Персии, античного мира и др. Когда сегодня говорят о Великом Шелковом пути, то, как правило, рассматривают его как канал торговых связей Китая и Европы. На наш взгляд, в нем присутствовала и очевидная геополитическая составляющая, позволявшая устанавливать международные (дипломатические) отношения между отдаленными друг от друга странами и цивилизациями. Об этом хорошо писали многие кыргызстанские и зарубежные исследователи, в том числе и по рассматриваемой нами связи религии и геополитики [см., напр., 7].

В Средние века геополитика в значительной мере расширила свои границы, особенно в эпоху Великих географических открытий. В Новое время мир рассматривался уже как огромная целостность, а государственное мышление все более приобретало геополитический (глобальный) характер, вследствие чего европейские державы перешли к захвату территорий во всех частях планеты. Фактически уже в этот период появляются зачатки того

понятия, которое мы сегодня называем “глобализмом”, или “глобализацией”, его вполне можно рассматривать как “побочный” продукт геополитики. Безусловно, в последней играли роль очень многие факторы. Несмотря на то, что многие скептически относятся к “формационному” историческому подходу, мы все же полагаем, что основным, а точнее важнейшим и определяющим, был экономический фактор. Людьюми двигали интересы поиска новых рынков сбыта и источников сырья.

В основе современной цивилизации лежало первоначальное накопление капитала – это факт. Были и многие иные факторы формирования геополитики, в том числе и рассматриваемый нами религиозный. Исследователь А.В. Третьяков пишет о том, что “религиозный фактор учитывается во внешней политике всех крупных держав при разработке соответствующих доктрин и осуществлении конкретных акций на мировой арене” [8, с. 897].

Классическим примером проблемы “религия и геополитика” является распространение ислама. Российский исследователь М.А. Родионов пишет о том, что уже в 628 г. “Пророк направил послания своим главным соседям. Он написал византийскому императору Ираклию, иранскому шаху Хосрову II, эфиопскому негусу, арабскому вассалу Византии Гассаниду, наместнику Египта Георгию, а также правителям Омана, Йемена, Бахрейна и большого аравийского оазиса Йамамы. Всех их, исповедовавших православие, зороастризм, различные толки монофизитского христианства и язычество, Пророк властно призывал обратиться в ислам. Наместник Египта откликнулся подарками – двумя сестрами-невольницами с евнухом, мулом и узорными коптскими тканями, но никто из мирских властителей не внял призыву, а иранский шах даже разорвал в гневе письмо Пророка” [9, с. 33–34]. Тем не менее, 630–631 гг. известны в истории ислама как “год посольств”, свидетельствующий о том, что незадолго до смерти Пророк проявлял значительную внешнеполитическую активность. Был ли Мухаммед наивным, рассылая соседним правителям “приглашение” к исламу? Вряд ли. Он не надеялся на то, что Византия с ее 300-летним христианством как государственной религией примет ислам. Или Сасанидская Персия. Но он хотел их отказами оправдать последовавшие затем арабские завоевания. Однако главное мы усматриваем в том, что все вышеназванные территории рано или поздно, но стали мусульманскими. Академик В.В. Бартольд писал о том, что “ислам первоначально требовал для себя только места наряду с еврейством и христианством; в конце жизни Мухаммеда он уже предъявлял претензии на мировое господство” [10, с. 219]. А их иначе как геополитическими назвать трудно. При этом следует

отметить, что все указанные претензии были осуществлены не естественно-историческим образом, а посредством широких военных мероприятий арабов-мусульман.

Другим классическим примером роли религии в геополитике являются крестовые походы (1096–1270 гг.). Документы свидетельствуют о том, что они проводились под лозунгами освобождения Гроба Господня от мусульманской власти [11, с. 223–240]. Исламский исследователь А.Х. Зарринкуб пишет о том, что “в действительности крестовые походы, начавшиеся в период правления багдадского халифа Муътазхера Биллаха (1094–1118), целью которых провозглашалось “освобождение Гроба Господня от рук магометан”, фактически представляли собой военную агрессию Запада против Востока и продолжение многовекового противостояния этих двух частей света” [12, с. 7]. Исследователи М.К. Марусина и В.Л. Портных указывают, что крестовые походы как “вооруженные экспедиции изображались в хрониках (католических) как божественное предприятие, участники которых имели статус мучеников за веру. Оно осуществлялось под непосредственным контролем сверху” [13, с. 99]. Таким образом, рыцарские походы на Восток в эпоху Средневековья были следствием воздействия католической религии на тогдашнюю геополитику. Считаю нелишним заметить, что папство как конфессиональный институт играло и в последующем важную роль в геополитике европейских держав. Его “внимания” не избежала и Русь, выдержавшая наступление католицизма не без помощи Золотой Орды. Именно католическая религия стала орудием Испании и Португалии в завоевании народов Америки, породившем новую геополитическую ситуацию на планете. Рим “благословил” раздел сфер влияния этих государств в мире. Важную роль в геополитике Ватикан сохранил и до сегодняшних дней, причем его авторитет зиждется не только на самой католической вере. П.П. Литвинов пишет: “Ватикан является уже давно не столько религиозным центром мирового католицизма, сколько огромной финансовой империей, располагающей такими капиталами, рядом с которыми блекнут все вместе взятые “накопления” мировых монархов, включая, разумеется, и арабских “шейхов” – правителей Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Бахрейна, Омана и др. Вот вам западный христианский рационализм в действии! Ватикан давно уже превратился в “контору” по зарабатыванию денег, чем он известен и силен. Любопытно, что Банк Ватикана официально именуется “Институтом религиозных дел”. Надо же! Делать деньги – религиозное дело! Кошунственно! Верх цинизма, если учесть, как относился к этому Иисус Христос,

считавший, что легче верблюду пролезть в игольное “ушко”, чем богатому попасть в “Царство Небесное”. Вместе с тем, кто бы стал прислушиваться к мнению римского “старца”, управляющего Ватиканом – государством, размеры которого не достигают даже половины квадратного километра, если бы за ним не стояли оч-ч-ень большие деньги?” [14, с. 11–12]. Таким образом, исторически религия играла значительную роль в геополитике.

В российской внешней политике, в тех или иных геополитических раскладах религия как таковая всегда играла заметную роль, поскольку Россия выступала не только как представительница христианского мира, но и как его защитница, прежде всего православного. Естественно, что этот фактор играл свою роль в ее отношениях с неправославными христианскими странами Европы, однако нас больше интересует его значение в отношениях России с исламским миром. Понятно, что здесь ее роль защитницы религии Христа представлялась весьма рельефно. Статья XII российско-турецкого договора от 3 июля 1700 г. гласила: “Московского народа мирянам и инокам иметь вольное употребление ходить в Святой град Иерусалим и посещать места, достойные посещения, а от таких посещений ради проходящих ни во Иерусалим и нигде дань или гарач (харадж. – А.С.) или пескеш да не испросится, ни за надобную проезжую грамоту деньги да не вымогаются. Сверх того живущим в странах Государства Оттоманского Московским и Российским духовным ни едина, по Божественному закону, досада и озлобление да не чинится” [15, с. 71]. Это положение было продублировано позже в российско-турецком договоре от 18 сентября 1739 г. и в артикуле 7-м широко известного Кучук-Кайнарджийского договора 1774 г. [16, с. 960]. Императрица Екатерина II в манифесте от 17 марта 1775 г. гордо заявляла о том, что в результате закончившейся войны с Оттоманской империей “Самое наше православие в местах его произрастания (в Святой земле и Иерусалиме. – А.С.) ограждено для переды Нашего Императорской опекою от всякого притеснения и насильства” [17, с. 81].

Опыт своей бабки успешно использовал император Николай I. Он тоже представлял себя как защитника православной религии от посягательств мусульманских властей. В декларации о причинах войны с Османской империей от 14 апреля 1828 г. царь указывал, что турецкими властями “почтеннейшие сановники Греческого духовенства и Патриарх, глава их, среди совершения священных обрядов нашей Церкви, преданы в руки палачей на смертную позорную казнь, а все знатнейшие христиане, ограбленные, поруганные без суда и исследования гинили в муках, некоторые спасались

бегством” [18, с. 387]. И потому Россия обязана защитить Православие. Любопытно, что тут же император отмечал, что “Порта именует Россию явным, непримиримым врагом исламизма; а всем известно, что во владениях Его Императорского Величества миллионы жителей спокойно и торжественно, под щитом общих законов, исповедывают веру Магометанскую и отправляют богослужение по обрядам оной, пользуясь всеми гражданскими правами наравне с прочими подданными Государя Императора” [18, с. 392]. Николай I пытался разыграть религиозную “карту” и в Крымской войне. В манифесте от 14 июня 1853 г. он указывал, что “защита Православия была искони обетом Блаженных Предков наших”, и призывал: “Пойдем вперед – за веру Православную” [19, с. 289–290].

Уже в те времена для многих было совершенно очевидно, что русским царизмом двигают далеко не религиозные соображения. Тем не менее традиция использования религии в геополитических интересах была продолжена царем Александром II. В манифесте от 12 апреля 1877 г. о начале войны с Турцией он отмечал, что Россия всегда выступала защитником христианских народов в Турции, которое угнеталось мусульманскими ее правителями. И Турция отвергала всякие предложения России улучшить положение христиан вообще и православных в частности. Россия делала мирные шаги. И страны Европы тоже пытались защитить своих христиан. Но теперь Россия решила действовать в этом отношении. И вступила в войну с Оттоманской Портой [20, с. 371]. К. Маркс писал о том, что если русский царь получит право протектората над православными Турции, которых насчитывается почти 10 млн человек, “то ясно, что царь фактически получит право протектората над христианскими подданными в Турции” [21, с. 25]. Он отмечал, что в Османской империи есть еще 800 тыс. католиков и 200 тыс. протестантов. Таким образом, царизм успешно использовал проблемы религии в своих геополитических намерениях по отношению к мусульманской Турции.

Однако вопросы мусульманской религии в системе геополитических планов России приобрели особо важное значение в процессе присоединения Средней Азии к империи. Турецкий исследователь М. Сарай пишет о том, что завоеванием Средней Азии Россия “хотела укрепить свой пошатнувшийся международный престиж после поражения в Крымской войне” [22]. Он, видимо, прав, однако не во всем, так как Россия начала операцию по завоеванию Средней Азии еще в начале Крымской войны. Ф. Энгельс указывал на то, что пока Европа была занята Крымской войной, оренбургский губернатор Перовский начал наступать на Хиву, правитель которой быстро отреагировал, прислав

послов для заключения договора, “по которому хан Хивы признал верховную власть России” [23, с. 617]. Энгельс писал о том, что Россия получила неограниченную власть над хивинскими делами: “В Хиве водворился русский консул, который как представитель русского правительства взял на себя также обязанности верховного арбитра во всех политических делах Хивы” [23, с. 617]. И он констатировал еще в 1858 г.: “С подчинением Хивы вопрос о покорении Туркестана, по существу, был решен; быть может, сейчас он уже решен и практически” [23, с. 617–618]. Энгельс отмечал, что, узнав о походе Перовского, ханы Коканда и Бухары тоже отправили своих послов в Россию для заключения договоров. Он указывал, что “заключенные с ними договоры не были опубликованы, но об их содержании легко догадаться. Какую бы степень независимости Россия не была склонна оставить этим мелким государствам” [23, с. 618]. Хотелось бы обратить внимание на то, что он писал об этом за семь лет до взятия Ташкента.

Завоевав Среднюю Азию, Россия вступила в новый фазис отношений с исламской религией в своей геополитике. Зарубежные исследователи А. Беннигсен и М. Броксуп пишут о том, что “мусульмане Средней Азии были всегда связаны с остальным мусульманским миром. Русское завоевание не изменило существенно это положение, и в конце XIX века идеи, политические доктрины и личности ислама преодолевали всякие границы, продвигаясь в сторону Османской империи, Ирану и мусульманской Индии” [24, р. 3]. По их мнению, “попытки русской власти уберечь мусульман Туркестанского края от влияния извне были иллюзорными. Внешнее воздействие (татарское, турецкое, иранское и даже афганское) играло важную роль в политическом пробуждении мусульман Средней Азии” [24, р. 23]. Безусловно, среднеазиатские ханства – Бухара, Коканд и Хива – до прихода России занимали свою “нишу” в региональной геополитике, имели давние связи с сопредельными странами и несколько отдаленной Турцией. Их объединял с ними общий религиозный – мусульманский – характер государственности. Это обстоятельство, однако, не мешало им вступать в противоречия друг с другом, которые нередко выливались в кровопролитные и разорительные войны. И религиозный фактор, по сути, не играл здесь серьезной роли. Однако войны в Европе, в частности две мировые, были тоже, прежде всего, войнами между христианскими государствами. Участие в них мусульманской Турции и синтоистской Японии были из числа тех исключений, которые только подчеркивали исторически сложившиеся правила. Известно, какими напряженными постоянно были отношения между суннитской Турцией и шиитской

Персией. В них религиозный фактор был более выражен, но их конфликт, по существу, был тоже именно мусульманским, а не каким-либо другим. Среднеазиатские ханства не утратили полностью своего геополитического статуса, даже после того, как были превращены в российские протектораты. Кокандское ханство, как известно, пало в 1876 г. под ударами освободительной борьбы кыргызов. Но Бухарское и Хивинское ханства продолжали поддерживать разного рода связи с сопредельными исламскими странами и народами, с Турцией. Таким образом, Россия должна была учитывать это обстоятельство в своей геополитике в регионе.

Генератор российских имперских геополитических амбиций – Министерство иностранных дел, оно проявляло глубокий интерес к исламскому миру. Отмечалось: “Как бы ни были сложны и многообразны проявления мусульманства, оно может специально интересовать Министерство иностранных дел: 1) как действительная политическая сила, направляющая жизнь иностранных государств, особенно сопредельных с Россией; 2) поскольку оно может из очагов своих, расположенных за границей, оказывать влияние на настроение русских подданных; 3) насколько быт русских мусульман и воздействие на него со стороны государства могут отзываться на международных отношениях России” [25]. Понятно, что в данном случае речь шла именно о роли ислама в геополитических планах царской России в Центральной Азии.

Мы полагаем, что при разрешении рассматриваемой нами проблемы взаимосвязи религии и геополитики в системе международных отношений России в Центральной Азии надо исходить из того, что все их проявления были, образно говоря, насквозь пропитаны духом исламо-христианского соперничества. Оно имело исторический характер, однако после прихода России в указанный регион оно стало фактом бытия, в том числе, понятно, и геополитики. Любое движение российской христианской цивилизации и власти в Туркестане неизбежно наталкивалось на мусульманский фактор. Поэтому любые геополитические замыслы царской России в регионе должны были обязательно приобретать религиозный – исламский “флёр”. Документы (в том числе нормативно-правовые) свидетельствуют о том, что даже самые простые торговые расчеты между русскими и мусульманами в Средней Азии, казалось бы, не имеющие никакой связи с религией, тем не менее, были конфессиональными по существу, так как их определяла соответствующая ментальность, выработанная на “оселке” своей многовековой веры. Достаточно почитать договоры России с мусульманскими странами (в том числе со среднеазиатскими ханствами), чтобы в том убедиться. Например, право кон-

сульской юрисдикции в Турции, согласно которой иностранные купцы-христиане были неподсудны мусульманским судам, а их дела рассматривались дипломатами своего государства, часто изображалось как насильственно навязанный европейцами принцип, тогда как оно “вытекало из особенностей законодательства Османской империи, носившего религиозный характер и не признававшего права за иностранцами обращаться в мусульманский суд” [26, с. 75]. Как известно, право консульской юрисдикции осуществлялось в Бухарском ханстве российским Политическим агентом и царскими мировыми судами на его территории.

Подводя итог сказанному выше, смело можно утверждать, что роль религии в геополитике России в Центральной Азии нельзя сводить только к противостоянию православно-христианской России с мусульманским миром региона.

Литература

- Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. М., 1985.
- Гаджиев К.С. Введение в геополитику / К.С. Гаджиев. М., 2000.
- Геополитика и политическая география: учеб. для вузов. М., 2001.
- Дергачев В.А. Геополитика: учеб. для вузов / В.А. Дергачев. М., 2004.
- Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России / А. Дугин. М., 1997.
- Нартов Н.А. Геополитика: учеб. для вузов / Н.А. Нартов. М., 1999.
- Горячева В.Д. Великий Шелковый путь как ретранслятор религиозных учений и традиций / В.Д. Горячева // Диалог цивилизаций. Информационный бюллетень научного направления “Великий Шелковый путь и взаимодействие культур, народов и государств”. Вып. II: Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого Шелкового пути (по материалам Международной конференции). Бишкек, 2003.
- Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006.
- Родионов М.А. Ислам классический / М.А. Родионов. СПб., 2001.
- Бартольд В.В. Мусульманский мир // В.В. Бартольд. Сочинения: в 9 т. Т. 6. М., 1966.
- История средних веков (V–XV века). Ч. 1. М., 1980.
- Зарринкуб А.Х. Исламская цивилизация / А.Х. Зарринкуб. М., 2004.
- Марусина М.К. Чудесные явления в латинских хрониках первого крестового похода / М.К. Марусина, В.Л. Портных // Вопр. истории. 2013. № 12.
- Литвинов П.П. Благовест над землями ислама: Русский Туркестан (по архивным, правовым и иным источникам) / П.П. Литвинов. Елец: Изд-во ЕГУ, 2014.
- Трактат, заключенный в Цареграде с турецким султаном Мустафой II посланниками Украинцовым и дьяком Черодеевым – О перемирии на 30 лет; о разорении поселенных у Днепра городков Тавани, Кизи-Керменя, Нусрета и Сачина, об уступке Азова России и о оставлении земель от Перекопа до Азова в пусте; о нетребовании крымскому хану и татарам никаких подарков от России; о размене пленных и о свободном пропуске россиян на поклонение в Иерусалим, без платежа дани. 3 июля 1700 года // ПСЗРИ-1. Т. 4. СПб., 1830. № 1804.
- Трактат вечного мира и дружбы, заключенный между Империей Всероссийской и Оттоманской Портой в ставке Главнокомандующего, генерал-фельдмаршала, графа Румянцева, при деревне Кучук-Кайнарджи на правом берегу реки Дуная, через уполномоченных от него и от Верховного визиря в 10 день июля и ими обоими в 15 день того же июля утвержденный, а со стороны Его Султанова Величества подтвержденный и ратификованный в Константинополе в 13 день января 1775 года. 10 июля 1774 года // ПСЗРИ-1. Т. 19. СПб., 1830. № 14164.
- Манифест – О заключении мира с Оттоманской Портой. 17 марта 1775 года // ПСЗРИ-1. Т. 20. СПб., 1830. № 14274.
- Декларация о причинах войны с Оттоманской Портой и обстоятельствах ей предшествовавших. 14 апреля 1828 года // ПСЗРИ-2. Т. 3. СПб., 1830. № 1948.
- Манифест – О движении российских войск в Придунайские княжества. 14 июня 1853 года // ПСЗРИ-2. Т. 28, отд. 1. СПб., 1854. № 27344.
- Манифест – О вступлении российских войск в пределы Турции. 12 апреля 1877 года // ПСЗРИ-2. Т. 52, отд. 1. СПб., 1879. № 57155.
- Маркс К. Восточная война // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 10. М., 1958.
- Saray Mehmet. The Russian Conquest of Central Asia // Central Asia Survey. The Journal of the Society for Central Asian Studies. 1982. Vol. 1. № 2–3.
- Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. М., 1958.
- Bennigsen Alexandre, Broxup Marie. The Islamic threat of the Soviet Union. London; Canberra, 1983.
- РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 472 – О пропаганде панисламизма. Л. 177.
- Губер А.А. Новая история стран Азии и Африки: учеб. для вузов / А.А. Губер, Г.Ф. Ким, А.Н. Хейфец. М., 1975.